

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА: ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

В апреле 2009 г. филиал “Международные экономические и политические исследования” Института экономики РАН и редакционная коллегия журнала “Новая и новейшая история” провели обсуждение итогов экономических и социально-политических преобразований в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (ЦЮВЕ) за 20 лет после падения в них социалистического строя. В “круглом столе” участвовали заместитель директора Института экономики д.э.н., проф. С.П. Глинкина, руководитель сектора Центральной и Юго-Восточной Европы к.г.н. Н.В. Куликова, ведущие научные сотрудники д.э.н. Ю.К. Князев, к.и.н. Н.И. Бухарин, кандидаты экономических наук В.С. Милованов, А.Н. Саморукова, И.С. Синицина, Н.В. Фейт, старший научный сотрудник к.г.н. Т.Э. Валева, научные сотрудники к.э.н. С.О. Волотов и Л.В. Голова.

В обсуждении проблем “круглого стола” принял участие член редколлегии журнала “Новая и новейшая история” д.и.н., проф. И.И. Орлик, который напомнил, что в журнале уже публиковались материалы о ходе трансформаций в странах Центрально-Восточной Европы (ЦВЕ). Они с большим интересом были восприняты у нас в стране и за рубежом.

С.П. Глинкина, открывая заседание “круглого стола”, обратила внимание его участников на ряд общих социально-экономических проблем развития стран ЦВЕ за два последних десятилетия, на политические аспекты этого этапа, а также на особенности ситуаций в отдельных странах региона. Сегодня можно подвести некоторые итоги преобразований в странах ЦВЕ и в то же время оценить новые обстоятельства, порожденные возникновением и развитием мирового финансового и экономического кризиса, ставшего испытанием для экономик этих стран. В данной связи необходимо рассмотреть зависимость региона от общей геополитической и экономической ситуации в современном мире. Вначале будут обсуждены общие проблемы перемен в Центральной и Юго-Восточной Европе, а затем итоги преобразований в отдельных странах.

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ

С.П. Глинкина: На мой взгляд, изучение процессов, протекающих в странах ЦВЕ, весьма полезно ввиду осуществления ими практически в чистом виде перехода к рынку и демократии через заимствование европейских институтов.

С начала 1990-х годов Европейский Союз (ЕС) оказал странам материальную помощь, предоставил финансовые ресурсы (деятельность фонда PHARE, подключение стран к деятельности Европейского банка реконструкции и развития), постепенно начал открывать рынок для товаров из стран ЦВЕ (специальный преференциальный режим, подписание ассиметричных соглашений об ассоциации и др.). ЕС разработал и принял в 1993 г. на заседании Европейского совета в Копенгагене критерии членства в ЕС для стран ЦВЕ, желающих присоединиться к интеграционной группировке.

Хотелось бы напомнить, что копенгагенские критерии предусматривали наличие в странах-кандидатах: стабильных институтов, обеспечивающих демократию, верховенство закона, соблюдение прав человека и меньшинств; функционирующей ры-

ночной экономики, способной выдерживать конкуренцию и справляться с действием рыночных сил в стране и союзе; готовности и способности принять на себя все обязательства, связанные с членством в ЕС; согласия с целями создания экономического и валютного союза.

В 1995 г. была утверждена программа “Подготовки ассоциированных стран Центральной и Восточной Европы к интеграции во внутренний рынок Союза”, которая содержала перечень законодательных актов (790), необходимых для интеграции стран ЦВЕ в единый рынок ЕС, а также рекомендации относительно порядка их принятия. В приложении анализировались пути сближения/гармонизации законодательства стран ЦВЕ с европейским правом в 23 секторах экономики и общественной жизни, начиная от движения капитала до защиты прав потребителей. Приложение включало рекомендации по созданию административных и технических структур, обеспечивающих эффективную правоприменительную практику, а также направления и формы технической поддержки, оказываемой странам-кандидатам со стороны ЕС в целях сближения их законодательства с правовой системой Евросоюза.

ЕС разработал индивидуальные стратегии присоединения для каждой страны-кандидата, обозначив в них приоритеты, конкретные действия и сроки их осуществления. В программу подготовки к членству относительно более развитой Венгрии было включено 88 серьезных задач, Чехии – 90, Словакии – 98, большинства других стран – более 100 задач.

Таким образом, подготовка к вступлению в ЕС стимулировала реформирование экономики стран ЦВЕ. Формальное заимствование институтов (в частности норм права) в обязательном порядке сопровождалось разработкой механизмов их запуска на национальной почве. В результате перспектива членства в ЕС выполнила роль “внешнего якоря” в осуществлении странами сложных институциональных преобразований.

Очевидные плюсы проделанного пути для стран ЦВЕ – существенное снижение вероятности появления политической оппозиции реформам и объединение обществ вокруг “европейской идеи”, четкое структурирование программ развития, получение значительной финансовой помощи, повышение прозрачности принимаемых решений.

Для субъектов рыночных отношений из новых членов ЕС среди очевидных положительных моментов – выход их продукции на рынки ЕС без таможенных и иных ограничений, упрощение системы сертификации, доступ к европейскому рынку общественных заказов, иностранным инвестициям, ресурсам финансового рынка, возможность использования европейских структурных фондов для финансирования и поддержки проектов (особенно в случае малых и средних предприятий), доступ к программам ЕС по поддержке научных исследований и прикладных разработок. Следует признать, что большинство преимуществ от работы на общем рынке страны ЦВЕ получили еще на предвступительном этапе, с этой точки зрения статус полноправного члена ЕС с 1 мая 2004 г. не многое поменял в их положении.

Нередко в научной литературе можно встретить мнение, согласно которому одной из бед российской трансформации, в отличие от трансформаций в странах ЦВЕ, было доминирование политических мотивов над экономическими целями и задачами. С такой позицией можно согласиться лишь частично: ослабление политической составляющей на национальном уровне с лихвой компенсировалось политической обусловленностью практически каждого шага, предпринимавшегося Евросоюзом. Политические мотивы оказывались доминантными при предоставлении странам ЦВЕ финансовой и иной помощи, при определении сроков начала переговоров о вступлении в ЕС, при принятии решений об условиях членства и т.п.

Завершилась ли трансформация, осуществлен ли странами ЦВЕ, присоединившимися к ЕС, переход к новым экономическим реалиям? Можно выдвинуть предположение о том, что стабилизация посткоммунистического государства на орбите планетарной системы, выстраиваемой геоэкономическим центром притяжения, либо

формирование страной такой системы самостоятельно могут рассматриваться в качестве критерия завершенности переходного периода. Это не исключает даже для стран ЦВЕ, успешно завершивших переходный период в результате присоединения к Европейскому Союзу, сохранения значительной специфики в функционировании национальных экономик и институтов политической организации общества.

В заключение несколько слов о последствиях мирового кризиса для стран ЦВЕ. Возникшая кризисная ситуация в этих странах является в первую очередь следствием финансового и экономического кризиса в развитых странах Евросоюза. Соответственно ее преодоление зависит в первую очередь от оздоровления экономики ведущих государств ЕС. 2009–2010 гг. должны показать, насколько правильной является точка зрения, что зонтик Евросоюза является для новых членов ЕС эффективной институциональной защитой от мирового кризиса.

Н.В. Куликова: Продолжая тему, поднятую С.П. Глинкиной, отмечу, что политические элиты и общество стран ЦВЕ сделали выбор в пользу модели трансформации на основе заимствования европейских институтов, посчитав, что вступление в ЕС позволит ускорить экономический рост и в перспективе сравняться по уровню развития с богатыми западными соседями. Именно эта цель на протяжении всего трансформационного периода объединяла в Центральной и Восточной Европе правых и левых, радикалов и консерваторов, политиков и простых граждан. По прошествии 20 лет реформ можно сделать осторожную попытку оценить, насколько эффективным оказался курс, взятый странами ЦВЕ, большинство которых уже стало, а остальные готовятся стать полноправными членами ЕС?

Трудно оспаривать тот факт, что членство в Евросоюзе создает рамочные условия для догоняющего развития новичков. Эти условия формируются по трем основным направлениям – институциональная адаптация, экономическая интеграция и региональная политика ЕС. Однако на каждом из этих направлений у стран возникают либо трудности с использованием преимуществ европейской интеграции, либо связанные с ней риски.

Институциональная адаптация, которую осуществили страны согласно копенгагенским критериям, привела политические, экономические, правовые институты и институты гражданского общества в соответствие с европейскими стандартами. Улучшение институтов дает мультипликативный эффект, так как эффективное управление, верховенство закона, политическая стабильность и снижение уровня коррупции приносят долгосрочные, хотя и не очень видимые на первый взгляд, дивиденды в плане экономического и социального развития. Вместе с тем распространение некоторых принципов политики ЕС на страны ЦВЕ нанесло ущерб их экономике. Обратимся, например, к агропромышленному сектору. Евросоюз выделяет значительные средства в помощь сельскому хозяйству, а его механизм таможенного и нетарифного регулирования действительно защищает сельхозпроизводителей от конкурентов из стран-нечленов. Однако общая сельскохозяйственная политика ЕС сдерживает наращивание выпуска аграрной продукции с целью предупреждения кризиса перепроизводства и ориентирована на поддержку лишь эффективных производителей, что на практике означает ликвидацию многих хозяйств стран ЦВЕ. Можно привести и другие примеры. В частности, хозяйствующие субъекты новичков ЕС понесли потери из-за открытия процедуры размещения государственных заказов для фирм из других стран Евросоюза. Немалыми затратами обернулось внедрение некоторых технических стандартов ЕС, еще дороже обойдется соблюдение его норм в области экологии. Часть предприятий пищевой промышленности стран ЦВЕ, особенно по переработке животноводческой продукции, была закрыта ввиду несоответствия санитарно-гигиеническим нормам ЕС.

Экономическая интеграция теоретически дает импульс экономическому росту и ведет к сокращению разрыва между вовлеченными в нее странами. Главными движущими силами процесса считаются рост внешней торговли, движение капиталов, обмен технологиями и опытом управления. Однако экономическая интеграция несет с собой и определенные риски.

Торговая интеграция стран ЦВЕ в ЕС состоялась еще в 1990-е годы, когда им была дана возможность экспортировать товары на общеевропейский рынок без уплаты таможенных пошлин. В 2000-е годы страны ЦВЕ, в свою очередь, также сняли торговые барьеры для экспортеров ЕС. В результате доля Евросоюза во внешней торговле стран ЦВЕ выросла до 70%, даже превысив средний уровень торговой интеграции в ЕС-15. Нарастание экспорта в ЕС, несомненно, способствовало экономическому росту стран ЦВЕ. Однако одновременно снятие барьеров на пути импорта из ЕС стало вызовом для экономики. Лишь немногие наиболее сильные предприятия смогли воспользоваться преимуществами единого европейского рынка. В то время как большинство производителей, работающих на внутренние рынки, было не готово успешно конкурировать с компаниями из западноевропейских стран. Особенно ощутимой была утрата позиций на внутренних рынках предприятий агропромышленного сектора.

Либерализация и приведение в соответствие с европейскими нормами инвестиционного законодательства, поощрение в различных формах иностранных инвесторов и минимизация инвестиционных рисков способствовали бурному росту притока в страны ЦВЕ прямых иностранных инвестиций, которые сыграли ключевую роль в оживлении и модернизации экономики. Эти инвестиции качественно изменили ранее слабо развитый сектор финансовых услуг, стали главным средством расширения систем телекоммуникаций, способствовали развитию транспортной инфраструктуры, подняли фактически “лежавшую” промышленность. Однако транснациональные компании использовали территорию стран ЦВЕ преимущественно для размещения предприятий с низкой или средней производительностью (как правило сборочных) и реже создавали в них высокотехнологичные производства. При этом модернизация имитационного характера на базе привлечения иностранного предпринимательского капитала отвлекла внимание стран от развития собственной сферы научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ. В условиях усиливающейся инновационной конкуренции это фактически консервирует, а в долгосрочной перспективе может и увеличить технологическое отставание, а значит и отставание в сфере производительности труда. Экономическое лидерство сохранится за странами, которые активно развивают сферу исследований и разработок, распространяют новые технологии и получают интеллектуальную ренту.

Наконец, обратимся к региональной политике ЕС. Финансовая поддержка защиты окружающей среды, развития инфраструктуры, человеческих ресурсов и инвестиций в производство, которую оказывают структурные фонды и Фонд сплочения ЕС менее развитым регионам и странам сообщества (а к ним относятся все его новые члены из Восточной Европы), формально открывает хорошие перспективы для ускорения экономического роста, создания новых рабочих мест и улучшения качества жизни. Поддержка еврофондов позволяет вернуть от 35 до 50%, а в отдельных случаях и 80% инвестиций в проекты. Однако надежды новичков на финансовые ресурсы ЕС оправдались не полностью. Их получение сопряжено с прохождением сложной административной процедуры, причем условием одобрения почти любого проекта является долевое участие государства в финансировании (обычно в размере 15–25%, но в некоторых случаях 40–50%), этим подтверждается его полезность. Кроме того, средства должны быть освоены не более чем за два календарных года, после чего страна утрачивает право на их востребование. В результате значительная часть выделенных средств остается неиспользованной.

Анализ итогов экономического развития стран ЦВЕ за 20 лет реформ приводит к выводу, что этап системной трансформации пройден ими в целом успешно. К середине 1990-х годов регион преодолел спад производства, последовавший за коллапсом административно-плановой системы, к 2000 г. восстановил дореформенный объем валового продукта, в последующие годы стабильно превосходил по темпам его роста Западную Европу и мир в целом. Отставание от западноевропейских стран по душевому ВВП, рассчитанному по паритету покупательной способности валют, сократилось.

Правда, разрыв остается значительным: Словения уступает ЕС-15 в 1,2 раза, Чешская Республика – в 1,4 раза, Болгария и Румыния – в 3 раза.

В последние годы в большинстве стран улучшились структурные и качественные характеристики экономики. Ускорился рост промышленного производства, а в Чешской Республике, Словакии и Польше оно с середины 2000-х годов стало расти даже быстрее ВВП. Сворачиваются ресурсоемкие производства с низким уровнем технологий и расширяются мощности по производству более сложной продукции с большей добавленной стоимостью. Польша и Словения даже превосходили по ее доле в валовой продукции обрабатывающей промышленности средний уровень ЕС.

Эффективность экономики повысилась, так как рост ВВП происходил в основном за счет роста производительности труда. По ее уровню страны ЦВЕ еще уступают ЕС-15 почти в два раза, но разрыв между ними устойчиво сокращается. При этом уровень безработицы в большинстве стран опустился ниже среднего в ЕС-15. Исключения среди новичков ЕС – Польша и Словакия, но и в них безработица значительно уменьшилась. В некоторых странах, в частности в Болгарии и Польше, сокращению числа безработных способствовала значительная трудовая миграция в западноевропейские страны после вступления в ЕС.

Вопрос, который сегодня не может не вызывать интереса – какими последствиями обернулся для стран ЦВЕ глобальный финансово-экономический кризис, насколько устойчивыми к его негативному воздействию оказались их экономики?

Реализованная модель трансформации дала странам ЦВЕ определенные преимущества, главные среди них – возможность развития национальных хозяйств на основе широкого привлечения внешних финансовых ресурсов и гарантированный внешний спрос на продукцию экспортных секторов экономик, поднявшихся “на дрожжах” иностранного капитала и ставших локомотивом экономического роста и повышения благосостояния. Вместе с тем проводившаяся экономическая политика сделала экономику стран ЦВЕ легко уязвимой для глобальных вызовов. Разразившийся мировой финансово-экономический кризис обнажил ее глубокие структурные проблемы, возникшие в результате многолетней опоры на внешние финансовые ресурсы и ориентации преимущественно на западноевропейский рынок сбыта. С падением спроса на экспортную продукцию из-за рецессии в экономике главных стран-потребителей, многократным сокращением притока прямых иностранных инвестиций, оттоком спекулятивного капитала, обмелением заграничных кредитных потоков и уменьшением денежных переводов от трудовых мигрантов производство, занятость и доходы стали падать, а долговые обязательства и число граждан и компаний, неспособных возвращать долги, – расти.

Кризис охватил сначала реальный сектор. Промышленное производство стало сокращаться уже весной 2008 г., а с осени его падение резко ускорилось. В январе 2009 г., по данным Евростата, объем выпуска продукции уменьшился в странах ЦВЕ по сравнению с январем 2008 г. на 10–30%.

Вслед за реальным сектором кризис распространился и на финансовые системы. Круг стран, охваченных финансовым кризисом, расширяется, его глубина нарастает. Первый и наиболее сильный удар пришелся по Венгрии. Под угрозой находятся также Румыния, Болгария, Сербия и Хорватия. Польша и Чешская Республика – в лучшем положении, но и здесь оно быстро ухудшается. Словения и Словакия обезопасили себя введением евро от валютного кризиса, но какими будут последствия утраты суверенитета над денежно-кредитной политикой для экономики в целом, станет ясно только после окончания кризиса.

Природа финансового кризиса во всех охваченных им странах ЦВЕ одинакова. Все они полностью либерализовали движение капитала, а свою финансовую судьбу отдали в руки иностранных банков, которые стали доминировать в регионе (прежде всего австрийские, итальянские, греческие, в меньшей степени – германские). Обильный приток иностранной валюты привел к укреплению национальных денег и искусственному повышению их покупательной способности. Это настроило население и

предприятия на получение кредитов, в том числе в дешевой иностранной валюте. Кредитная экспансия увеличила внешнюю задолженность, легшую тяжелым бременем на предприятия, население и государственные бюджеты. Когда приток финансовых ресурсов из-за границы прекратился, предложение валюты сразу упало и национальные деньги обесценились, создав угрозу долгового кризиса. Надежды на своевременный возврат долгов почти нет, так как значительная часть кредитов шла не на развитие, а была “проедена”. Более вероятны реструктуризация долгов и списание убытков.

Проблемы в банковском секторе ЦВЕ достаточно велики, чтобы представлять угрозу для находящихся не в лучшем положении финансовых систем западноевропейских стран, чьи банки и создали кризисную ситуацию. Однако их правительства не горят желанием финансировать санацию банковских систем восточных соседей, и решать проблему, скорее всего, придется правительствам стран ЦВЕ, которые своей экономической политикой допустили такую ситуацию.

Очевидно, что далеко не всем странам удастся выйти из кризиса без внешней помощи. Многим из них, вероятно, придется обращаться за кредитами в МВФ. Первой это уже сделала Венгрия, за ней последовали и некоторые другие страны. Увязание в долгах будет десятилетиями отвлекать средства на их погашение и ограничивать капиталовложения в развитие и социальные расходы. При таком сценарии Восточная Европа может проиграть экономическое сражение на глобальной сцене и остаться отсталой европейской периферией.

Кризис лишний раз доказал, что преимущества реализованной странами ЦВЕ модели трансформации создают предпосылки для экономического прогресса, но не являются его гарантией. Одни и те же институциональные рамки, регулирование и финансовая помощь могут давать разные результаты. Успех каждой страны будет в решающей степени зависеть от ее внутреннего потенциала, качества работы институтов, разумности проводимой экономической политики и внешних условий.

И.С. Синицина: Хотелось бы сразу же подчеркнуть, что в отличие от сферы экономики и отношений собственности на начальном этапе системной трансформации не существовало разработанной концепции рыночного реформирования социальной сферы. В результате в большинстве стран ЦЮВЕ на начальном этапе преобразований социальная политика сводилась преимущественно к противодействию резкому падению уровня жизни населения, который сопутствовал трансформационному спаду. Уже на этой стадии в странах ЦЮВЕ во главу угла было поставлено решение конкретных социальных задач, и первостепенной из них стала материальная поддержка самых социально уязвимых слоев населения – пенсионеров, семей с детьми, семей безработных и др. На практике ориентированность социальной политики на поддержание уровня жизни этих категорий населения и рост объемов социальных пособий во многих странах смягчили резкое ухудшение условий жизни тех слоев, которым реально угрожало сползание в зону бедности.

Высокая инфляция начала и середины 1990-х годов вызвала быстрое обесценение реального содержания социальных выплат, что в условиях дефицитности национальных бюджетов подталкивало к переходу во всех странах на принцип селективности социальной защиты, к усилению адресности помощи, предоставляемой социально уязвимым слоям населения. Одновременно стала расширяться практика привязки темпов их повышения к темпам роста средней заработной платы в стране. Это в определенной мере снизило инфляциогенность социальной сферы, поскольку позволило отойти от принципов прямой индексации денежных выплат.

Системная трансформация в странах ЦЮВЕ не сопровождалась уходом государства из социальной сферы и в большинстве стран не была связана с ослаблением системы социальной поддержки населения. Доля социальных расходов в ВВП практически во всех странах региона заметно возросла и в течение всего периода трансформации в большинстве стран региона формировалась на относительно стабильном уровне как в соотношении с ВВП, так и в общем объеме бюджетных расходов. Это отражало стремление правительств этих стран, проявившееся уже в первые годы реформ, смяг-

чить жесткие последствия переходного периода для уровня жизни населения. По относительным объемам совокупных социальных расходов, сложившихся на середину 2000-х годов, страны ЦЮВЕ сильно различаются. Эти расходы существенно выше в новых членах ЕС: в Словении и Венгрии они превышают 20% ВВП, в Польше и Чехии находятся примерно на уровне 20%, в Словакии, Болгарии и Румынии – 14–17%, в странах Балтии – 12–13% ВВП. В Хорватии и Сербии эти расходы формируются на относительно высоком уровне – 16–17% ВВП, в Боснии и Черногории этот уровень сходен со странами Балтии, а в Македонии и Албании социальные расходы еще ниже – около 10% ВВП.

Если рассматривать совокупные социальные расходы в новых членах ЕС в контексте уровня их экономического развития (например ВВП на душу населения), то социальная политика, проводившаяся на протяжении всего периода трансформации, не представляется чрезмерно расточительной. Новые члены расходуют на эти цели относительно меньше средств, чем в среднем по ЕС-27 (27,3% ВВП). Обращает на себя внимание тот факт, что отрыв от средневропейского уровня по объему финансирования социального развития в новых членах ЕС значительно больше, чем отставание этих стран по таким показателям, как средний уровень душевого дохода или душевого производства ВВП. Вместе с тем можно говорить о том, что наметилась тенденция к сокращению этого отставания. Так, динамика роста душевых расходов на социальное обеспечение в новых членах ЕС в течение всего последнего десятилетия заметно опережает среднюю по Евросоюзу.

Трансформационный спад во всех странах переходной экономики привел в 1992–1996 гг. к резкому снижению уровня жизни и расширению зоны бедности. Однако в странах ЦЮВЕ эти процессы уже во второй половине 1990-х годов сменились тенденцией к сокращению зоны бедности, а в середине 2000-х годов на волне поддержания высоких темпов экономического роста масштабы сокращения бедности и малообеспеченности в этих странах оказались значительными. В новых членах ЕС масштабы абсолютной бедности (международная граница доходов в размере 2,15 долл. в день, рассчитанная по паритету покупательной способности – ППС) первоначально возросли с 1,1% населения в 1990 г. до 7,3% в 1996 г. (особенно значительным было расширение бедности в Польше и Румынии), однако к концу десятилетия уровень бедности сократился почти вдвое, а в 2005 г. снизился до 1,6%. В Албании, Боснии и Герцеговине, Хорватии и Македонии расширение абсолютной бедности было не столь выражено, поскольку изначальный ее уровень был достаточно высок (4,4% в 1990 г.), однако к середине 2000-х годов в этих странах он также снизился до 3%.

Для того, чтобы измерить долю населения, не испытывающего абсолютного недостатка в удовлетворении базовых жизненных потребностей, но находящегося в зоне экономической уязвимости (малообеспеченности), в международной практике используется интервал между региональной абсолютной бедностью (2,15 долл. в день) и уровнем доходов по ППС в размере 4,30 долл. в день. Применительно к странам ЦЮВЕ в пределах этого интервала доходов в 2005 г. проживало более 14% населения. По странам ситуация выглядела следующим образом: наиболее широко распространена бедность и малообеспеченность в Албании – более 48% населения – и Румынии – свыше 35%. В остальных странах численность этих доходных групп ниже, но все же остается высокой в Македонии (свыше 19%), Болгарии (более 17%), в Польше (в границах 14–15%), а также в Боснии и Герцеговине (свыше 11%). В Венгрии и Словакии доля этих доходных групп невысока (немногим более 3%), а в Словении, Хорватии и Чехии – ниже 1% населения.

Во всех странах рассматриваемого региона за прошедшие 20 лет уровень валового национального дохода на душу населения, рассчитанного по ППС, заметно возрос. Более того во всех странах (за исключением Македонии) произошло заметное сближение этого показателя с соответствующими медианными показателями по ЕС-15. Наиболее быстрыми темпами такое сближение происходило в Польше, Словакии, Словении, в большинстве стран Западных Балкан.

В последние годы во всех новых членах ЕС отмечался устойчивый рост занятости населения и снижение уровня безработицы. В Западных Балканах устойчивое улучшение ситуации на рынке труда характерно пока лишь для Хорватии. В остальных странах безработица, хотя и несколько снизилась, однако продолжает оставаться чрезвычайно высокой. Для всех стран в 2000-х годах характерен устойчивый рост реальной заработной платы и других доходов населения. Так, в 2007 г. по уровню реальной заработной платы новые члены ЕС в 1,5–2,5 раза превысили уровень 1992 г.

В завершении остановлюсь на вопросе воздействия мирового финансового кризиса на социальную ситуацию в странах ЦЮВЕ. Это воздействие в отчетливой форме начало давить о себе знать лишь в первом квартале 2009 г., поскольку изменения экономических показателей, как правило, ведут к изменениям в социальной сфере с определенным временным лагом. Тем не менее уже по итогам 2008 г. стало очевидным, что нарастающий кризис окажет серьезное воздействие на многие сферы жизни населения стран ЦЮВЕ, а также заставит скорректировать многие заявленные направления социальной политики в этих странах.

Сопряженные с кризисом макроэкономические процессы неизбежно получают развитие во всех странах региона уже в ближайшем будущем и приведут к снижению доходов и потребления домашних хозяйств, в том числе к сокращению их возможностей инвестировать в образование, здоровье и др. Снижение же реальных доходов населения неизбежно ухудшит положение бедных слоев населения и вызовет расширение зоны бедности и малообеспеченности.

Воздействие кризиса на ситуацию в социальной сфере связано также с тем, что падение экономической конъюнктуры неизбежно вызывает сжатие доходов публичных финансов. Неизбежное в этом случае сокращение расходной части бюджетов поставит под угрозу реализацию социальных задач, на выполнение которых ориентированы бюджеты многих стран ЦЮВЕ, причем вынужденное сокращение финансирования социальной помощи, пенсионного обеспечения, образования, социальной поддержки безработных и других будет происходить в условиях, когда потребности в расширении этих трансфертов и услуг заметно возрастут.

С.П. Глинкина: Теперь переходим к рассмотрению внутривосточных перемен в странах региона и изменения их геополитического положения за истекшие 20 лет. Их развитие во многом определяется новой геополитической ситуацией как на европейском континенте, так и центрально-европейском регионе.

Н.И. Бухарин: Как известно, политические преобразования в странах ЦЮВЕ начались в конце 1980-х – начале 1990-х годов после демократических революций в регионе. Демонтаж прежнего авторитарного режима, оформление правовых основ новой демократической системы, проведение первых демократических выборов в парламент, учреждение новых политических структур и институтов произошло очень быстро. Это стало возможным благодаря достигнутому между частью старой и новой политической элитами консенсусу относительно направлений политических и экономических реформ. Сформировались мощные реформаторские силы, которые включали в себя и антикоммунистов, и посткоммунистов. За основу перемен взяты западные стандарты политического устройства общества, западный опыт общественно-политического развития. Основными направлениями политических преобразований в 1990-е годы XX в. и в начале XXI в. стали формирование демократического правового государства, разделения властей, политического плюрализма и гражданского общества.

Наиболее успешно путь к созданию демократической политической системы прошли страны Центральной Европы, Болгария и Румыния. В странах Юго-Восточной Европы политические преобразования в силу отсутствия демократических традиций развивались и развиваются более медленными темпами. Особенно это касается государств Западных Балкан. В последние 10 лет существенный прогресс в демократическом развитии сделали лишь Хорватия после смерти президента Ф. Туджмана и Македония.

Страны Центральной Европы, Болгария и Румыния являются уже устойчивыми демократиями. Почти все страны выбрали модель парламентской демократии с сильной ролью правительства, ответственного перед парламентом, и ограниченной ролью президента. Политические институты функционируют стабильно. Это прежде всего институты представительной демократии, а также свободных выборов, многопартийности, демократических свобод (слова, печати, общественных объединений) и т.д. Соблюдаются основные западные демократические стандарты (политический плюрализм, верховенство закона, уважение прав меньшинства и др.). Демократические правила политической игры признаны и выдерживаются всеми основными политическими силами; гарантированы и, как правило, не нарушаются права человека. Переход власти из рук правящих сил к оппозиции происходит без каких-либо инцидентов. Все смены правительства осуществляются законным образом и на основе конституционных процедур. Службы безопасности и вооруженные силы находятся под гражданским контролем.

Вступление с 1 апреля 2004 г. стран Центральной Европы и с 1 января 2007 г. Болгарии и Румынии в ЕС повлияло на функционирование политической системы. Теперь основополагающие для развития этих стран решения принимаются уже не на национальном, а на наднациональном уровне. В результате происходит самоограничение национального государства. Единство правового государства и ключевой роли политики улетучилось. Уже не существуют определенные границы и однозначный центр власти, ее монополия на законотворчество и полный суверенитет. Сокращается количество инструментов управления. Национальная политика становится все более беспомощной. В результате в ряде стран-новичков встает и обостряется вопрос о национальном суверенитете и укреплении национального государства.

Членство стран ЦВЕ в ЕС повлекло за собой нарушение сложившегося в предыдущий период определенного равновесия в разделении властей, прежде всего ослабление роли законодательной и усиление исполнительной власти. Этот баланс, сформировавшийся в середине 1990-х годов, способствовал демократическому развитию этих стран. В первую очередь происходит уменьшение значения национальных парламентов как законодательных органов. По оценкам, около 60% их функций перешло в руки органов Евросоюза. Некоторые эксперты, как в новых, так и старых членах ЕС, считают, что после вступления в союз парламент потерял свою функцию форума политических дебатов и его роль сведена к роли института, который занимается имплантацией права Евросоюза в законодательство страны. Это, несомненно, преувеличение. Одновременно полномочия исполнительной власти в связи с вступлением в ЕС все больше разрастаются, и это связано с установленным механизмом принятия решений в рамках союза.

Происходит ослабление роли не только национального парламента, но и правительства. Роль чиновников центральной государственной администрации, которые работают со структурами ЕС, непомерно выросла. Если согласование политики (а оно происходит, как правило, на уровне центральной бюрократии) с институтами ЕС произошло, то министр-политик ничего сделать уже не может.

Не оправдались ожидания, что вступление стран ЦВЕ в ЕС повлечет за собой дальнейшую либерализацию и демократизацию внутренней политической жизни. Все больше аналитиков, как на западе, так и на востоке, считают, что в последнее время в политическом развитии стран Центральной Европы наблюдаются противоположные изменения. Эпоха проевропейского и прореформаторского консенсуса после вступления в ЕС и завершения системной трансформации закончилась, и нарастают националистические, популистские, а главное антилиберальные тенденции. Их порождают в первую очередь этническая напряженность в Словакии и Венгрии, а также укрепление консервативного католицизма в Польше. А сейчас их усиливает и мировой кризис.

Первые пять лет членства в ЕС показали, что страны Центральной Европы в качестве функционирования институтов существенно отстают от стран ЕС-15. Между ними существует значительный лаг. Речь идет об эффективности управления, обеспе-

чении верховенства закона, качестве бюрократии, уровне коррупции и т.д. Брюссель прежде всего беспокоит, что неэффективная бюрократия новых членов не в состоянии должным образом обеспечить реализацию законодательства ЕС. Пройдут еще многие годы, пока произойдет сближение качества деятельности институтов этих двух групп стран, пока институты новичков не начнут напоминать институты “старых” членов союза.

Экономические последствия мирового кризиса, проявившиеся в странах ЦЮВЕ в 2008–2009 гг., влияют на функционирование институтов государства, на течение политической жизни, общественно-политическую ситуацию. По мере того, как экономический спад будет углубляться, а жизненный уровень падать, не исключено, что экономический кризис может трансформироваться в политический.

Пока основные институты политической системы функционируют нормально, политическая ситуация остается стабильной. Вместе с тем органы государственной власти находятся в определенном напряжении. Неизбежный рост безработицы и снижение темпов роста ВВП отрицательно сказываются на рейтинге правительства и других институтов государственной власти. Последствия мирового кризиса будут проверкой стабильности политической системы, ее способности справиться с социально-экономическими проблемами. Возрастает роль государства как кризисного менеджера. Последствия мирового кризиса в некоторых странах (например в Венгрии) уже превратились, а в других странах начинают превращаться в непосильную ношу для политической системы. Об этом прежде всего свидетельствует обращение все большего числа стран за финансовой помощью к Международному валютному фонду. Маловероятно, что кризис приведет к серьезному отходу от демократии, но она пройдет свое первое большое испытание. Опасность заключается в том, что страны могут стать менее управляемыми. Могут нарастать хаос и эскалация насилия.

И.И. Орлик: Как уже отмечали коллеги, за истекшие годы коренным образом изменилось геополитическое положение изучаемого нами региона. Вхождение стран ЦЮВЕ в Евросоюз – один из эпизодов (хотя и существенных) гигантской трансформации международной жизни конца XX – начала XXI в. “Восточное” расширение ЕС отнюдь не самостоятельное, независимое от других событий явление мировой политики и экономики. Это результат тектонических потрясений, “сейсмическая” зона которых на первый взгляд лишь косвенным образом затрагивала регион Центральной и Юго-Восточной Европы.

Резко изменившаяся внешнеполитическая ориентация стран ЦЮВЕ определяется новой геополитической ситуацией во всем мире, которая не может не влиять на них. Очень важно поэтому правильно оценить новые, подчас драматические, события первого десятилетия XXI в. с учетом главных направлений современной международной жизни. Новый век представлялся началом эпохи демократического мира, который, по мнению многих политиков, должен наступить после распада Советского Союза и “ухода на запад” Восточной Европы.

Аналитики во многих странах до конца не осознали последствий распада Советского Союза. Речь идет не о падении социалистического строя или коммунистического центра. Речь идет в геополитическом смысле о распаде великой державы. Президент России В.В. Путин назвал распад СССР – “крупнейшей геополитической катастрофой XX столетия”. Последствия этой катастрофы и сегодня, и в будущем еще будут давать о себе знать, и не только в России.

Трудно себе представить, чем, какими знаниями руководствуются некоторые западные, довольно высокого ранга аналитики, заявляющие, что “для Запада крах СССР означал величайший триумф XX в.” “Демократический мир”, однако, не наступил. Реальность оказалась совсем другой. Уже первое десятилетие нового века привело к усиливающейся борьбе за геополитическое доминирование и к стремлению установить контроль над энергоресурсами и источниками стратегически важного сырья.

Современный мир переживает очередной этап масштабной трансформации международной системы. Этот процесс начался после распада биполярного мира, лик-

видации мировой системы социализма и приобретения хозяйственными рыночными порядками универсального характера. Главными элементами трансформации стали глобализация хозяйственных и общественных отношений, активизация трансграничных процессов и усиление многослойной взаимозависимости в политике и экономике, нарастание гибкости, противоречивости и неустойчивости международной системы в целом.

Подчас проявляется непонимание причин и существа происходящих во всем мире процессов. Европейские страны, да и другие государства, находятся в новой, до конца не исследованной геополитической реальности.

В XXI в. человечество вступило в начавшийся этап нового передела мира. И хотя налицо явные черты, прежде всего научно-технологические, отличающие век нынешний от предыдущего, все же господствуют старые силовые методы военного воздействия на международные отношения.

Окончание “холодной войны”, оцениваемое многими на Западе как победа прежде всего США над Советским Союзом, в целом с облегчением было воспринято в мире. Возлагались надежды на быструю ликвидацию длительного противостояния между Востоком и Западом, устранение угрозы возникновения ядерного конфликта.

Однако последствия “холодной войны” были совершенно противоположными для двух былых группировок: “социалистического содружества” и “североатлантического блока”. И если первая распалась, то вторая не только упрочилась, но и начала расширяться за счет бывших противников – ряда стран ЦЮВЕ.

Не вдаваясь в спор относительно того, кто одержал победу в “холодной войне”, следует все же реально оценить последствия этой войны для каждой из сторон. Именно эти последствия предопределили процесс глубоких геополитических изменений не только в начале XXI в., но и продолжают воздействовать (и еще долго будут воздействовать!) на всю международную ситуацию, особенно в регионе ЦВЕ. Процесс “выхода” из “холодной войны” займет еще немало времени в XXI в.

Что касается европейской ситуации и перспектив развития восточноевропейского региона, то сбылось мрачное пророчество американского дипломата и историка Дж. Кеннана. Он предупреждал, что найдутся те, кто «расценит конец “холодной войны” и распад Советского Союза как образование вакуума, который они, в соответствии со своими представлениями, должны теперь заполнить».

По мере расширения Евросоюза и НАТО изменилась и стратегия Североатлантического альянса, значительно возросла “зона ответственности” блока. Расширение шло не только территориальное (сюда включалась Россия и европейские постсоветские государства), но и по сферам активности: этнические чистки, гражданские войны, региональные конфликты, терроризм, массовые миграции населения и т.п.

Таким образом США добились своей цели, довольно отчетливо сформулированной З. Бжезинским, считавшим, что только Большая Европа и Большая НАТО, которых объединяет общая задача глобального регулирования, могут обеспечить руководство современным международным развитием.

Первое десятилетие нового XXI в. не стало обнадеживающим, предвещающим обновление и умиротворение по сравнению с жестоким и драматическим минувшим столетием. Незатухающие кризисы во многих регионах Земли, угроза, а затем и проявления массового террора, крупномасштабные военные действия, чреватые не только реальным противостоянием цивилизаций, но и атомной войной – все это порождение первых лет XXI в.

Не только широкие слои населения европейских стран и США, но и многие специалисты-аналитики до сих пор не осознали по-настоящему последствий военной агрессии НАТО против Югославии. Речь идет не столько о новой ситуации на Балканах, сколько о переходе всего мирового сообщества в кардинально новое состояние, в новое политическое измерение. Отброшены в сторону принципы ООН, по-прежнему ее устав. С мнением России тогда ни Запад, ни восточноевропейские страны не посчитались.

НАТО сейчас используется в интересах прежде всего США, которые отныне считают, что могут применять военную силу там и тогда, где и когда сочтут нужным. Нарушены не только международные правовые нормы, но и принципы морали, наконец, цивилизации. Фактически уже идет пересмотр утвердившихся международных правовых норм, вносятся в них серьезные принципиальные изменения.

Таким образом, в Европе к началу XXI в. сложилась новая, но, как это ни парадоксально, – уже знаковая геополитическая ситуация. В третий раз в течение одного столетия восточноевропейские страны не по собственной воле вынуждены играть одну и ту же роль – объекта манипулирования великих держав. После окончания “холодной войны” Восточная Европа оказалась в сфере влияния западных держав в структурах, направленных против России.

Почти одновременное расширение НАТО и Евросоюза на восток привело к резкому нарушению военно-стратегической симметрии, существовавшей в мире после Второй мировой войны.

При этом все больше связываются функции НАТО и ЕС. Евросоюзу все чаще навязывают и военно-оборонительные задачи. В сенате США решен вопрос о “тесной координации между НАТО и ЕС при проведении общей внешней политики и политики в области безопасности ЕС”. В результате, как отмечает профессор Кембриджского университета (США) З. Бауман, в монографии “Индивидуализированное общество” (М., 2002), “новый мир отличает от прежнего тотальное ощущение нестабильности и небезопасности, распространенное в обществе”.

СИТУАЦИЯ В ОТДЕЛЬНЫХ СТРАНАХ

С.П. Глинкина: Обсуждение процесса трансформации в отдельных странах начнем с самой крупной страны региона – Польши.

И.С. Синицина: Хронический экономический кризис, развивавшийся в Польше во второй половине 1970-х годов и в 1980-е годы, завершился демократической революцией 1989 г. – первой революцией такого типа в ЦВЕ. В экономическом плане эта революция означала глубокую перестройку всей хозяйственной системы, в ходе которой Польша пережила гиперинфляцию и катастрофический спад производства (на 40%). Выход из глубочайшего экономического кризиса начался уже в 1992 г. А к 1996 г. был не только восстановлен предкризисный уровень ВВП, но и заметно изменилась структура производства, приблизившись к стандартам развитых стран.

Успеху системной трансформации в Польше помогли готовность и способность правящей тогда коммунистической партии к реформам, что обеспечило мирное развитие самого процесса перехода к рыночной системе хозяйствования; относительная продвинутость законодательной базы реформ; высокая степень социально-психологической подготовленности населения к новым условиям социально-экономической жизни.

Основополагающим элементом новой экономической политики, предложенной группой экономистов во главе с Л. Бальцеровичем, стала либерализация практически во всех сферах экономической жизни. На начальном этапе системной трансформации единственным динамично развивающимся сектором экономики стал частный сектор, опирающийся на сохранившиеся традиции индивидуального предпринимательства (в 1989 г. в сельском хозяйстве и городском частном секторе производилось около 20% ВВП). В основе динамизации частного сектора лежало снятие всех ограничений на развитие предпринимательства и создание для него равных условий с предприятиями всех остальных видов собственности. Частный сектор расширялся по мере того, как в стране проводилась приватизация государственных предприятий, так называемая малая приватизация и массовая (ваучерная) приватизация. В результате приватизации уже к 1996 г. частный сектор стал играть ведущую роль в производстве ВВП, что свидетельствует о коренном изменении отношений собственности в стране.

Одновременно происходило активное совершенствование законодательной базы функционирования рыночной экономики: разрабатывались новые законы с учетом европейских норм, а также обновлялись и дополнялись старые, действовавшие еще в межвоенный период, законодательные акты. Соответственно, создавалась инфраструктура рыночной экономики: новая двухступенчатая банковская система, коренное изменение функций Центрального банка, на который, помимо прочего, возложена реализация денежной политики; фондовый рынок и биржевые инструменты; инвестиционные и пенсионные фонды; рыночная система социального страхования, создание институтов рынка труда. В эти же годы была проведена административная реформа, по сути возрождены органы местного самоуправления, благодаря чему повысилась степень управляемости экономикой. Было также начато реформирование бюджетной системы, одним из элементов которой – наделение финансовыми средствами органов управления на местах, начато реформирование системы здравоохранения, образования и социальной помощи.

По мере преодоления экономического спада и обеспечения высоких темпов роста происходили существенные структурные сдвиги, в основном соответствующие пропорциям, сложившимся в развитых европейских странах. В создании ВВП постепенно снижалась доля промышленности и сельского хозяйства, росла доля производственных и потребительских услуг; в промышленном производстве снижалась доля сырьевых отраслей и базовых производств и, соответственно, увеличивалась доля производств с высокой степенью переработки, ускорилось внедрение инновационных технологий. Одним из заметных факторов экономического роста в Польше стало широкомасштабное использование иностранного капитала, по объему притока которого страна долгое время занимала лидирующее положение в регионе.

Как и следовало ожидать, процесс радикальной перестройки всей социально-экономической системы страны оказался продолжительным и по сей день еще не завершен. Естественно, развитие не было гладко поступательным, страна переживала периоды высоко динамичного развития, снижения темпов экономического роста, испытывала на себе последствия кризиса 1998 г. в России и азиатских странах и т.д. Тем не менее в этот период была создана жизнеспособная рыночная экономика, базирующаяся на широкомасштабном частном секторе.

Вступление в ЕС с 1 мая 2004 г. стало в Польше серьезным стимулом экономического роста: по оценкам, оно способствовало повышению темпов экономического развития примерно на один процентный пункт. Среднегодовые темпы роста ВВП в 2004–2008 гг. были одними из самых высоких в Европе и даже с учетом существенного замедления в 2008 г. в связи с глобальным финансово-экономическим кризисом составили около 6%.

Баланс первых пяти лет членства в ЕС сложился для Польши весьма благоприятно. Особенно быстро развивалось производство на предприятиях обрабатывающей промышленности с участием иностранного капитала, ориентированных на производство экспортной продукции. Это привело к динамизации внешней торговли и оживлению инвестиционной деятельности. Конкуренция на рынке ЕС стала импульсом к модернизации и повышению инновационности польских фирм, а также способствовала снижению издержек производства.

В итоге за рассматриваемое 20-летие в Польше, несмотря на трансформационный спад и последующие подъемы и спады, в 2007 г. ВВП почти удвоился и составил (в постоянных ценах) 191,2%, а основные народнохозяйственные фонды – 297,3% к уровню 1990 г. Соответственно, промышленное производство составило 271,8%, инвестиции в промышленность – 256,5%, стоимость основных фондов в отрасли – 155,7% к уровню 1990 г. В строительстве аналогичный показатель объема производства составил 189,6%, а объема инвестиций – 597,9%. Высокая динамика экономического роста была связана, в частности, с растущей открытостью экономики: за 20 лет объем экспорта в постоянных ценах возрос в 5,4 раза, а импорта – более чем в 10 раз. Благоприятные изменения произошли и в социальной сфере: реальная заработная плата в народном

хозяйстве в 2007 г. составила 152,6% к уровню 1992 г., величина реальной пенсии вне сельского хозяйства – 143,5%, а в сельском хозяйстве – 148,2%.

Реальным итогом 20 лет системной трансформации в Польше явилось создание полноценной рыночной экономики. Мировой финансовый кризис не оказал, во всяком случае пока, разрушительного воздействия на экономику Польши. По прогнозам, Польша может оказаться единственной страной ЕС, в которой будет зафиксирован прирост ВВП.

З.Н. Кузнецова: Чешская Республика (ЧР) со времени “бархатной революции” 1989 г. прошла сложный путь системной политической и экономической трансформации. Он оказался более продолжительным и не столь однозначным, как это представлялось чешским “архитектором перестройки” на старте реформ.

Реформаторы, пришедшие к власти на революционной волне и объединившиеся на широкой социальной базе отрицания коммунистического режима, выдвинули радикальную программу преобразований, направленных на слом административно-командной системы, построение демократического правового государства и гражданского общества, а также ускоренный переход к рыночной экономике.

Уже на начальном этапе трансформации были созданы классические политические механизмы демократии, и прежде всего реально функционирующая многопартийная политическая система. Условием формирования плюралистической партийной системы стала законодательно проведенная деполитизация органов государственного управления. Закон о люстрации запретил бывшим коммунистическим функционерам и коммунистической номенклатуре занимать руководящие посты в органах государственной власти. Однако политический спектр еще не устоялся, взгляды населения не имеют четкой политической ориентации и самоидентификации с определенной политической партией. Идут постоянные подвижки то вправо, то влево, отсюда неустойчивое равновесие на чешской политической сцене, что подтверждает правительственный кризис, разразившийся в Чехии в марте 2009 г.

К издержкам трансформации следует отнести раздел единого чехословацкого государства, произведенный вопреки воле большинства чешских и словацких граждан без проведения общенационального референдума и ставший по сути решением узкой политической элиты Словакии и Чехии. После вступления в силу Конституционного закона о прекращении существования Чешской и Словацкой Федеративной Республики государствами – преемниками ЧСФР с 1 января 1993 г. стали Чешская Республика и Словацкая Республика.

При проходившем в острых дискуссиях выборе концепции экономических преобразований – быстрый переход к рынку или постепенные реформы – предпочтение было отдано сценарию радикальных экономических реформ, главным идеологом и архитектором которого стал нынешний президент ЧР В. Клаус. Стратегия экономической реформы, опирающаяся на фиксированный курс национальной валюты как номинальный якорь экономики на начальном этапе реформы, либерализацию цен, базировавшаяся на поэтапном отпуске цен с широким использованием государственных рычагов регулирования, постепенную взвешенную либерализацию валютного регулирования при жестком валютном контроле позволили Чехии избежать гиперинфляции и валютизации экономики. Роль катализатора трансформации отводилась приватизации, она была проведена в основном путем бесплатного перевода прав собственности так называемым купонным методом, позволившим провести приватизацию в относительно короткие сроки.

Несмотря на ультралиберальную риторику тогдашнего премьер-министра В. Клауса, в Чехии был реализован более умеренный вариант экономической реформы, предусматривавший антиинфляционное вхождение в рынок с относительно низкими социальными издержками.

Стратегический курс “возвращения в Европу” определил главные приоритеты внешнеэкономической и внешнеполитической политики ЧР на ускоренную интеграцию в евроатлантические экономические и военно-политические структуры. В 1999 г.

ЧР была официально принята в НАТО; в мае 2004 г. – стала полноправным членом ЕС. Вступление в ЕС можно считать завершением этапа системной трансформации.

Сегодня ЧР относится к числу экономически развитых стран – новых членов ЕС с полноценной рыночной экономикой и возрожденным классом предпринимателей. В частном секторе создается более 80% ВВП, в том числе в секторе малого и среднего предпринимательства – более 37%. Объем ВВП на душу населения по паритету покупательной способности в 2008 г. достиг 82% к среднему уровню ЕС. По этому показателю ЧР занимает второе место среди стран ЦВЕ – новых членов ЕС после Словении.

В то же время характеристики конкурентоспособности чешской промышленности заметно ниже по сравнению с экономически развитыми странами. Производительность труда составляет примерно 50% к среднему уровню ЕС-15. В ЧР концентрируются в основном производства с низкой добавленной стоимостью, что не способствует повышению конкурентоспособности чешской экономики на мировых рынках. На долю высокотехнологических изделий в стоимостном объеме экспорта приходится 12,3 против 25% в экономически развитых странах.

ЧР относится к числу европейских стран с низким уровнем бедности: доля населения, находящегося за чертой бедности, составляет 8,1% по сравнению с 15% в среднем по странам ЕС-15. Разрыв между богатыми и бедными составляет 5:1, что отвечает критериям европейского социального государства.

Чехия входит в первую десятку государств мира с наиболее глобализированной экономикой. Примерно 87% совокупного объема прямых иностранных инвестиций поступает в чешскую экономику из стран ЕС. Иностраный капитал контролирует 97% совокупных активов банковского сектора, 75% страхового рынка, 40% рынка ценных бумаг, 36% частных пенсионных фондов и 50% предприятий нефинансового сектора. Усиливающаяся тенденция высокой концентрации иностранного капитала представляет большие риски для малой чешской экономики, здоровье которой напрямую зависит от “самочувствия” иностранного капитала, контролирующего ведущие отрасли национальной экономики.

В высокооткрытой чешской экономике (экспорт составляет 80% ВВП) локомотивом экономического роста является внешняя торговля. Членство в ЕС дает Чехии дополнительные преимущества: расширение рынка сбыта чешской продукции, устранение таможенных и иных ограничений, подключение к европейским общественным заказам, открытие финансовых рынков, возможность использования европейских фондов, повышение мобильности рабочей силы. В то же время углубление интеграции чешской экономики в единый европейский рынок и ее тесная привязка к странам ЕС, на которые приходится 85% чешского экспорта, и прежде всего к экономике Германии (более 1/3 экспорта), ставит чешскую экономику в довольно уязвимую позицию.

Уязвимость чешской экономики еще более повышает и односторонняя направленность на автомобильный сектор, который обеспечивает 23,1% стоимостного объема чешской промышленности и 23,2% совокупного экспорта. В автомобильной промышленности создается 10% ВВП.

Мировой экономический и финансовый кризис наглядно проявил все структурные пороки чешской экономики, выход которой из кризиса будет определять переход на инновационный путь развития, что позволит повысить конкурентоспособность отечественных производителей и занять ЧР достойное место на мировом рынке.

С.О. Вологов: Несколько слов о положении дел в Венгрии. В эпоху социализма страна занимала передовые позиции в области реформирования общества (в 1968 г. осуществила реформы, создавшие островок свободы и частной собственности), спустя неполных 20 лет после смены общественно-экономического строя не только утратила лидерство среди стран региона, но и неуклонно скатывается в условиях мирового кризиса в социально-экономическую пропасть.

В 1990-е годы венгерское руководство взяло курс на безграничное привлечение иностранного – главным образом западного – капитала. Во второй половине 1990-х

годов около 50% всех инвестиций в предпринимательском секторе венгерской экономики обеспечивал иностранный капитал. Такая политика, безусловно, позволила Венгрии обеспечить ощутимый рынок в своем экономическом развитии, но в то же время поставила страну в зависимое положение от воли иностранных инвесторов.

Приватизация, умело использованная венгерским руководством как инструмент перехода к рыночному хозяйству, также послужила одним из эффективных каналов притока в экономику страны иностранных инвестиций. Особый упор при этом делался на привлечение стратегических инвесторов. В период 1990–1997 гг. от двух третей до трех четвертей всего иностранного капитала было получено по линии приватизации.

Вступление в ЕС с конца 1980-х годов являлось безусловным приоритетом венгерского политического руководства: все реформы – экономические, политической системы, институциональные – были подчинены этой цели. Даже среди политических оппонентов не наблюдалось и тени евроскептицизма. Во всех сферах жизни страны шла оживленная подготовка к членству в ЕС, полноправное членство в котором с 1 мая 2004 г. она наконец получила.

1990-е годы, таким образом, явились для Венгрии наиболее плодотворными с точки зрения осуществления социально-экономических реформ. Венгрия среди стран ЦВЕ лидировала практически по всем направлениям, и прежде всего в многообразии и эффективности форм и методов привлечения иностранных инвестиций.

Роковую роль в нынешнем плачевном положении Венгрии сыграло и то, что начиная с 2001 г. страна стала жить явно не по средствам. Венгерские правительства из года в год допускали отрыв роста доходов населения от роста производительности труда. За период с 2000 по 2005 г. реальный ВВП страны вырос на 30%, а личное потребление и инвестиции в основной капитал на 42 и 45% соответственно. В результате образовались огромный дефицит государственного бюджета и значительное отрицательное сальдо текущего счета платежного баланса, угрожающе возросли внешняя задолженность и внутренний государственный долг. Как следствие, Венгрия теперь не соответствует практически ни одному из маастрихтских критериев, позволяющих вступить в еврозону.

Необходимость в социально-экономических реформах: здравоохранения, образования, налогового регулирования, административной системы, пенсионного обеспечения – в последние годы ощущалась все более настоятельно. Однако правительства Венгрии оказались заложниками популистских обещаний и долгое время не могли решиться на их проведение.

К началу 2008 г. как в венгерском обществе, так и в правительстве все острее стала проявляться “усталость от реформ”, признаки глубокой депрессии, причины которых следует искать в банкротстве экономического курса политической элиты страны, отсутствии зрелого гражданского общества, иждивенческом типе поведения населения, инфантилизме политического руководства. Как показали результаты проведенных весной 2008 г. Институтом социологии ВАН опросов, 75% респондентов являются сторонниками авторитарного стиля правления, чтобы исключить всевозможные межпартийные и внутрипартийные споры.

Венгрия, сохранившая конституцию 1949 г. (с поправками 1989, 1997 и 2003 гг.) и переинаяшая европейскую политическую модель парламентарной демократии (полномочия президента республики конституционно ограничены в основном представительскими функциями, а высшим органом исполнительной власти является правительство, глава которого избирается Госсобранием одновременно с утверждением его программы), одной из первых среди стран – членов Организации Варшавского Договора, получившая 12 марта 1999 г. членство в НАТО, в политическом отношении стороннему наблюдателю видится страной с развитой демократией, устоявшейся двухпартийной системой.

Однако следует отметить, что за последние два десятилетия произошло заметное расслоение венгерского общества. Численность бедного населения возросла более чем в два раза (с 410 тыс. в 1987 г. до 969 тыс. в 2005 г.), а очень богатых людей – с

599 тыс. до 899 тыс. человек. Соответственно уменьшился так называемый средний класс – главный сторонник отстаивания своих интересов демократическими методами.

Результатом расслоения и нарастающего недовольства стало агрессивное и уродливое проявление разразившегося в сентябре–октябре 2006 г. кризиса доверия правительству Ф. Дюрчenea с его погромами и “уличной” демократией. Общество оказалось неготовым к непопулярным, но давно назревшим реформам, что создало почву для появления на политической арене ультраправых военизированных организаций, идеология которых базируется на ксенофобии, антисемитизме и ненависти к живущим в Венгрии цыганам (более полутора миллиона человек, или 5% населения страны).

Мировой кризис резко нарушил экономическую и финансовую сбалансированность страны, вынудил ее правительство сменить экономический курс, привел к массовым увольнениям, росту безработицы, резкому снижению уровня жизни населения, массовым проявлениям недовольства сограждан.

М.О. Копытина: В Словакии стартовые условия в осуществлении рыночной трансформации были малоблагоприятными. Переход к рыночной модели хозяйствования Словацкая Республика (СР) начала практически с нуля, не имея того фундамента промежуточных реформ, которым располагали, например, Словения, начавшая переход к рынку из рыночного социализма, Венгрия, имевшая 20-летний опыт “гуляшного социализма”, широкого использовавшего рыночные начала, или Польша, вставшая на путь политической демократизации с начала 1980-х годов. Положение осложнялось унаследованными от социализма структурными деформациями: гипертрофированное развитие тяжелой промышленности, милитаризованность, низкая доля финальных стадий промышленного производства, поставлявшего полуфабрикаты для конечного производства в Чехии, высокий уровень ресурсо- и импортзависимости. Тяжелее, чем на других странах ЦВЕ, сказались на СР распад СЭВ, сужение емкости советского рынка в связи с переходом на торговлю в конвертируемой валюте, прекращение военных заказов после роспуска ОВД. Дополнительные осложнения доставил распад Чехословакии: СР лишилась двух третей прежнего внутреннего рынка.

На первом этапе экономических преобразований (1990–1993 гг.), состоявшемся в условиях единой Чехословакии, были осуществлены радикальные либерально-экономические реформы – “шоковой терапии”, их последствия были весьма болезненными: после начала реформ Словакия прошла через несколько лет серьезного экономического спада, а безработица в республике уже на втором году реформирования достигла 13%. Высокие социальные издержки шокотерапии заставили словацкое руководство пересмотреть после распада Чехословацкой федерации исходный сценарий реформ. Второй этап экономических преобразований (1993–1997 гг.) предусматривал усиление государственного регулирования экономики, эволюционный путь рыночного трансформирования, создание социального рыночного хозяйства. С приходом к власти в 1998 г. коалиции правых партий СР возвратилась к либеральной модели развития экономики. В преддверии вступления в ЕС в стране была завершена приватизация предпринимательской и банковской сферы, реализован жесткий сценарий финансовой стабилизации, осуществлены реформы налоговой системы, трудового законодательства, здравоохранения и пенсионной системы, которые были признаны экспертами МВФ и Всемирного банка “самыми радикальными в мире”.

20 лет системной трансформации преобразили Словакию. Принципиальным образом изменился экономический облик страны: СР перешла на общепринятые в мире рыночные стандарты хозяйствования, создала жизнеспособную рыночную экономику, встроенную в мировой рынок, международное разделение труда. Окрепла и стабилизировалась политическая демократия: от “премьерского абсолютизма” (сочетание парламентаризма с авторитарной ролью премьер-министра), характерного для 1993–1998 гг., страна пришла к полупрезидентской республике, успешно прошедшей испытание “разделенной властью”, когда президент и правительство принадлежат к разным политическим лагерям. Состоялось “возвращение в Европу”, о чем свидетельствует вступление страны в ЕС (2004 г.), приобщение к западным институтам (МВФ,

ВТО, ОЭСР) и структурам безопасности (НАТО, ОБСЕ), переход на единую европейскую валюту (2009 г.).

Обновилась структура словацкой экономики. Качественным образом изменилось соотношение между основными секторами производства. Если в 1989 г. на промышленность приходилось в валовой добавленной стоимости около половины, а на сферу услуг – только треть, то к 2000 г. их доли составили 29 и 60% соответственно, приблизившись к пропорциям, сложившимся в развитых европейских странах. В структуре промышленного производства укрепились позиции современного машиностроения и отраслей с высокой степенью переработки; локомотивом промышленного роста стали созданные за последние 10 лет новые отрасли (автомобилестроение) и производства (в электронной и электротехнической промышленности).

Структурная модернизация промышленности укрепила экспортный потенциал страны. За 1995–2007 гг. стоимостной объем словацких поставок на внешние рынки возрос в шесть раз; произошло заметное “облагораживание” товарной структуры экспорта за счет увеличения с 19 до 45% доли машинотехнической продукции. Опережающими темпами растет словацкий высокотехнологичный экспорт, его доля в совокупном экспорте страны в период после 2000 г. утроилась, достигнув к 2007 г. 21,7%. За последние 15 лет СР вышла на новые, ранее недоступные для нее рынки сбыта и утроила свою долю в совокупном импорте ЕС. Достигнута высокая степень внешнеторговой открытости: экспортная и импортная квота составили в 2007 г. 65 и 75% ВВП соответственно.

После 2000 г. экономика неуклонно крепла, ее опорой стал рост поставок на внешний рынок и повышение внутреннего спроса. Динамика ВВП в 2000–2007 гг. характеризовалась восходящим трендом (4,5–4,6% в 2002–2003 гг., 6,3% в 2004–2005 гг., 8,5% в 2006 г. и 10,4% в 2007 г.), превышающим темпы развития мировой и европейской экономики.

Процесс “догоняющего” роста Словакии набирает темпы. Дореформенный (1989 г.) уровень производства ВВП был превзойден в 2000 г., а к концу 2007 г. – превышен на 60%. Среднедушевой ВВП по паритету покупательной способности увеличился за 2001–2008 гг. с 4 тыс. долл. до 18,5 тыс. долл.: СР перешла в категорию среднеобеспеченных государств, существенно сократив отставание от уровня развитых европейских стран. Если в 2000 г. душевой объем производства ВВП для СР составлял 44% от среднего по ЕС-15 показателя, то к 2007 г. он возрос до 62%; производительность труда (объем ВВП на одного занятого) в 2000 г. составляла 51% от среднего показателя по ЕС-15, а в 2007 г. – уже 69,7%. Успехи в социальной сфере, однако, гораздо скромнее. Средняя заработная плата в Словакии только в 2005 г. достигла дореформенного уровня; в 2007 г. она составила всего 44% от среднего показателя по ЕС-15.

Движущей силой модернизации экономики выступает иностранный капитал. Если в 1990-е годы СР из-за осложнения отношений с ЕС оставалась малопривлекательной для западных инвесторов, то после 2000 г. она стала крупным реципиентом прямых иностранных инвестиций (ПИИ). Приток ПИИ в 2000–2007 гг. обеспечивался за счет массивного продвижения в экономику страны транснациональных корпораций, привлеченных как выгодными условиями трансграничных приобретений на заключительном этапе словацкой приватизации, так и конкурентным преимуществом, основанном на низкой стоимости рабочей силы. За короткий срок транснациональный бизнес занял “командные высоты” в экспортоориентированных отраслях словацкой промышленности (нефтехимия, черная и цветная металлургия, автомобилестроение, электронная и электротехническая промышленность, станкостроение), банковском секторе, базовых инфраструктурных отраслях (электроэнергетика, газораспределение, телекоммуникации).

Приток иностранного капитала придал экономике новые конкурентные качества. Инвестиционная деятельность крупных транснациональных компаний стала главной движущей силой структурных перемен и технологической модернизации промышлен-

ности. Со второй половины 1990-х годов словацкий экспорт растет почти исключительно за счет поставок на внешние рынки продукции, созданной на предприятиях с иностранным участием. ПИИ также преобразили ранее слабо развитый сектор финансовых услуг. Приватизация банков способствовала росту капитализации и улучшению структуры активов национальной банковской системы, усилению ее иммунитета к негативным внешним воздействиям: в условиях глобального финансового кризиса словацкие банки демонстрируют завидную устойчивость. Важную роль играет иностранный капитал и в инфраструктурной модернизации экономики: возрастает вклад ПИИ в решение вопросов, связанных с энергообеспечением и энергобезопасностью страны; с привлечением иностранного капитала на принципах государственно-частного партнерства увязаны планы словацкого правительства по развитию транспортной инфраструктуры.

Переориентация экспортно-импортных потоков на внутренние рынки стран-инвесторов обернулась для СР сужением внешних рынков, более 70% которых приходится на страны ЕС. С инвестициями транснациональных компаний связан нарастающий структурный перекос экономики в пользу автомобилестроения, доля которого, согласно “докризисным” прогнозам, должна была к 2010 г. достичь 50% в промышленном выпуске и 60% в экспорте. Нерациональная во многих отношениях стратегия поддержки ПИИ ведет к серьезным деформациям рынка и структуры экономики в пользу крупных фирм. Механизмы регулирования ПИИ не стимулируют филиалы ТНК к развитию кооперационных связей с местными производителями, поэтому “диффузии” перенесенных иностранными инвесторами технологий и ноу-хау, их распространения на отечественные компании, что могло бы содействовать повышению общего уровня конкурентоспособности национальной экономики, не происходит. Поскольку конкурентные преимущества СР постепенно сходят на нет, активное развитие под воздействием ТНК “иностранного” сектора не гарантирует словацкой экономике долгосрочных перспектив устойчивого роста. Присоединение к зоне евро при ослаблении национальных валют в соседних странах привело к резкому увеличению в Словакии в начале 2009 г. стоимости рабочей силы, следствием этого может стать отток ПИИ, что негативно отразится на динамике хозяйственного развития.

“Национальный” сектор в словацкой экономике остается слабым. На долю малого и среднего бизнеса, принадлежащего в основном национальному капиталу, приходилось в 2002–2004 гг. 60% ВВП и 25% экспорта (в развитых европейских странах это в среднем 85 и 50% соответственно). Национальные производители оттеснены в низкоприбыльные отрасли, оставшиеся вне зоны интересов иностранных инвесторов, и реализуют продукцию в основном на внутреннем рынке. За годы реформ не произошло повышения конкурентного рейтинга национального капитала на мировом рынке, ни одна местная корпорация не доросла до глобальных стандартов, позволяющих ей на равных конкурировать с филиалами ТНК. Слабые позиции местных компаний ограничивают возможности для развития инновационных процессов на собственной, национальной основе.

Модернизация экономики на базе иностранных инвестиций, осуществленная за годы реформ, позволила СР выйти на более высокий уровень развития и преодолеть разрыв с развитыми странами мира. Быстрая интеграция в мировую экономику, однако, оплачивается нарастающей экономической и технологической зависимостью от ТНК, ограничивающей возможности продвижения долгосрочных стратегических интересов общества и экономики.

Созданный производственный и институциональный потенциал пока позволяет стране противостоять начавшейся хозяйственной рецессии: по прогнозам, СР сохранит в 2009 г. позитивную хозяйственную динамику и войдет в число лидеров ЕС и ОЭСР по темпам экономического развития.

Ю.К. Князев: Начало реформам на территории современной Словении было положено в 1989 г. принятием плана тогдашнего премьера Югославии А. Марковича, содержавшего пакет рыночных преобразований типа “шоковой терапии”. Выполнение

этого плана было вскоре приостановлено по причине развала СФРЮ. Провозгласив в 1991 г. государственную независимость, словенское руководство сразу же приступило к созданию собственной политической и экономической системы, основы которой были заложены в конституции Республики Словении, принятой в декабре того же года.

На первом этапе реформ была проведена либерализация ценообразования и внешнеэкономического режима, благодаря которой удалось быстро справиться с инфляцией, насытить рынок импортными товарами, реорганизовать внутреннюю торговлю и значительно расширить сферу услуг. Югославский динар заменил толар, сформировались независимые бюджетная и банковская системы. Затем были приватизированы государственные предприятия с применением оригинальных схем, сохранивших элементы местных традиций.

При проведении системной трансформации словенское общество консолидировалось на идеях западной демократии и рыночной экономики европейского типа. В то же время словенцы старались не допустить анархии и бесконтрольности в развитии политической и экономической жизни, выступали за строгий правовой порядок, стремились не к безмерно либеральной, а к социально-регулируемой рыночной экономике и упорядоченности всей общественной жизни. На первоначальном этапе переходного периода Словении удалось обеспечить преемственность государственной власти, что выразилось в многолетнем правлении одной и той же левоцентристской либерально-демократической партии и пребывании на постах глав государства и правительства пользовавшихся большим доверием народа личностей из числа прежних коммунистических лидеров.

В Словении не отвергали полностью позитивных сторон социализма, стремились сохранить основные социальные завоевания (довольно вольготную пенсионную систему, бесплатные образование и здравоохранение), даже использовали элементы самоуправления при проведении приватизации и последующей демократизации корпоративного управления. Местные банки и страховые компании были приватизированы в основном словенскими гражданами с минимальным участием иностранного капитала.

За годы системной трансформации произошли значительные изменения структуры общественного производства, приблизившие ее к образцам развитых европейских стран. Словения предпочитала развивать основные отрасли своей промышленности (электротехническую, химическую, фармацевтическую, автомобилестроительную) самостоятельно, т.е. без целенаправленной продажи их активов иностранцам, но с использованием производственной кооперации с ведущими европейскими фирмами в основном из соседних Германии, Италии, Австрии. Она соблюдала умеренность в привлечении прямых иностранных инвестиций, по совокупному объему которых и их размерам на душу населения Словения уступала другим странам ЦЮВЕ. Ее экономика развивалась хотя и умеренными, но устойчивыми темпами, без особых социальных потрясений, а денежно-валютная и финансово-бюджетная сферы были сравнительно хорошо сбалансированы. Внешний долг никогда не был высоким, и его обслуживание осуществлялось без особых затруднений.

Экономика этой небольшой страны быстро преодолела трудности переходного периода и вскоре достигла самого высокого уровня развития среди как вновь образовавшихся после распада Югославии, Чехословакии и СССР государств, так и прежних социалистических стран. По объему ВВП на душу населения, составившему в 2007 г. 16616 евро по официальному курсу и 20700 евро по паритету его покупательной способности, Словения достигла 88% среднего уровня по ЕС.

Дальнейшие системные преобразования были проведены в Словении в период подготовки к вступлению в ЕС, которое состоялось 1 мая 2004 г. Именно тогда были завершены важнейшие хозяйственные реформы, прежде всего либерализация и приватизация в энергетике и банковском секторе, а также консолидация приватизированных предприятий в перерабатывающей промышленности.

Адаптация к новым условиям жизни по стандартам ЕС прошла в Словении успешно, удалось минимизировать неизбежный в этом деле ущерб и в полной мере

использовать выгоды от пребывания в Евросоюзе (регулярно получать средства из бюджета ЕС, расширять рынки сбыта как в старых, так и новых странах – членах ЕС, включаться в реализацию общеевропейских проектов).

Наибольшие преимущества от пребывания в Евросоюзе получили экспортно-ориентированные и открытые для иностранной конкуренции отрасли: металлообработка, производство электробытовых товаров, телекоммуникации и транспортное машиностроение. В трудном же положении оказались традиционные отрасли промышленности, ранее пользовавшиеся высокой степенью государственной защиты от влияния внешнего рынка, сельское хозяйство и переработка сельскохозяйственного сырья, банковская и страховая сферы.

Последний этап системных преобразований был связан с переходом Словении от национальной денежной единицы к общеевропейской. Решение об этом было принято незадолго до вступления в ЕС и объяснялось стремлением страны полностью интегрироваться во все европейские структуры и конкретно в Европейский валютный союз и зону евро, чтобы без промедления использовать предоставляемые ими дополнительные преимущества.

Интенсивный процесс подготовки к введению евро начался фактически с ноября 2003 г., когда была принята правительственная программа присоединения к европейскому механизму обменных курсов. В отличие от других стран – новых членов ЕС Словении не нужно было принимать особых мер по стабилизации экономики и выполнению жестких условий и высоких маастрихтских критериев, установленных Евросоюзом для стран, претендующих на переход к евро. Она задолго до начала подготовительного периода была в целом готова к вступлению в зону евро, и ей оставалось лишь поработать над снижением годовых темпов инфляции и связанного с ней сравнительно высокого уровня банковских процентных ставок.

С 1 января 2007 г. в полном соответствии с установленным графиком Словения осуществила переход к евро, который позволил словенским гражданам и предприятиям избавиться от расходов по обмену валют и по валютным транзакциям, от рисков, связанных с изменением валютных курсов и необходимости страхования от этих рисков. Это оказало положительное воздействие на развитие словенского финансового рынка и на ликвидность его участников, облегчило заимствование средств внутри страны и за границей, оградило Словению от текущих экономических и финансовых потрясений.

В целом интеграция Словении в ЕС проходит успешно. Итоги хозяйственного развития свидетельствуют в целом о благоприятных процессах, происходящих в словенском народном хозяйстве после ее вступления в ЕС. В 2004–2005 гг. некоторые важные макроэкономические показатели несколько ухудшились, что можно объяснить трудностями приспособления к новым условиям. Полученные в 2006–2007 гг. неплохие результаты позволяли надеяться, что сложный переходный период в основном остался позади, если бы не наступивший в 2008 г. мировой кризис, который, к сожалению, не обошел Словению стороной.

В.И. Шабунина: В Республике Болгарии (РБ) процесс системной трансформации, особенно в ее первое десятилетие, шел труднее и медленнее, чем в других постсоциалистических странах ЦВЕ. Это было обусловлено как рядом объективных исходных предпосылок, так и просчетами управленческих решений, которые должны были обеспечить правила и условия трансформации.

В этом контексте можно кратко отметить следующие особенности ее первого этапа. Болгария начала путь к рынку при более низком уровне экономического развития, имея деформированную энерго- и импортную структуру производства, утратив рынки бывшего СЭВ и СССР, куда направлялась преобладающая часть экспорта.

Старт преобразований происходил при тяжелом финансовом положении, огромный внешний долг страны на 60% превышал ВВП, а на его выплату был установлен мораторий, что, естественно, не способствовало внешней финансовой поддержке.

Либерализация и дерегуляция хозяйственной деятельности, трансформация собственности, а степень ее обобществления была выше, чем в других странах ЦВЕ, осуществлялись при отсутствии необходимой институциональной и правовой основы. Растянутые системные преобразования проводились, можно сказать, в условиях “игры без правил”. Это вело к нелегальному перераспределению госсобственности, распространению теневой экономики, коррупции, снижало эффект реформ.

Болгария пережила наиболее глубокий и продолжительный трансформационный спад. За 1991–1997 гг. объем ВВП упал наполовину. К тому же на рубеже 1996–1997 гг. разразился банковский и финансовый кризис, в ходе которого разорилась треть банков, а гиперинфляция достигала в эти годы 310 и 578%. Естественно, что социальная цена преобразований оказалась более высокой, чем в большинстве стран ЦВЕ. За 1991–1998 гг. реальная заработная плата сократилась вдвое.

Надо отметить, что политическая среда на первом этапе трансформации характеризовалась повышенной нестабильностью. С 1990 по 1997 г. сменилось семь правительств. Каждое из них вносило свою лепту в продвижение реформ и в их неудачу, делая те или иные акценты в социально-экономической политике. Однако общим для них было отсутствие стратегии реформирования. Досрочные парламентские выборы и смены правительств создавали в обществе ощущение неуверенности, затягивали состояние переходности и негативно отражались на темпах, последовательности и глубине преобразований.

После финансовых и политических потрясений 1997 г. в обществе и политических кругах окончательно утвердился консенсус о безальтернативной интеграции в европейское сообщество. Подготовка к вступлению в ЕС стала основным фактором в определении вектора и ускорения дальнейшей трансформации болгарского общества.

В последующее десятилетие на этом пути был достигнут заметный прогресс. Оценивая его результаты, Европейская комиссия констатировала: в стране функционирует рыночная экономика; создано демократическое государство, гарантирующее права человека; имеется необходимый потенциал для применения принципов общеевропейского права; законодательство и администрация в большой степени приведены в соответствие со стандартами и практикой Евросоюза.

Итоги трансформации на пути к западноевропейской модели общества обусловили принятие Болгарии в члены ЕС (с 1 января 2007 г.), но, как представляется, они являются промежуточными, если иметь в виду предстоящие практические задачи интеграции в европейское политико-правовое пространство и экономической конвергенции.

Так, предстоит непростая адаптация национальных институтов и политических структур к участию в политике Евросоюза, модернизация госадминистрации, создание административных структур, способных обеспечить взаимодействие с органами Евросоюза и гарантировать эффективное использование средств, предоставляемых из его фондов. Эксперты Еврокомиссии в последних мониторинговых докладах настоятельно рекомендуют ускорить завершение судебной реформы, преодолеть недостатки в борьбе с коррупцией, особенно в высших эшелонах власти, устранить изъяны уголовно-процессуального кодекса, затрудняющие борьбу с коррупцией.

Отметим, что дореформенный (1989 г.) реальный объем ВВП был достигнут страной лишь в 2005 г. В последнее пятилетие (2004–2008 гг.) болгарская экономика развивалась довольно динамично, обеспечивая реальный прирост ВВП более чем на 6% ежегодно. Однако Болгария пока остается самой экономически отсталой среди стран ЕС. Душевой уровень ВВП был в 2007 г. втрое ниже среднего уровня стран ЕС-15. Динамичному экономическому росту сопутствовала макроэкономическая стабильность, которой в немалой степени способствовало введение в середине 1997 г. механизма валютного совета. Консолидированный бюджет с 2003 г. сводился с профицитом, а государственный долг по отношению к ВВП стал к 2008 г. одним из самых низких в ЕС.

В ходе системных реформ было приватизировано свыше 60% всех государственных активов, в том числе 99% активов предприятий, на которые не распространяется запрет закона. В результате в экономике преобладает частный сектор, им создается 70% ВВП, а частные хозяйствующие субъекты определяют экономическую динамику.

В социальной сфере в контексте догоняющего развития стоят задачи развития человеческого потенциала, повышения уровня занятости и доходов населения, социальной интеграции. Вступив в ЕС, Болгария оказалась на последнем месте среди его стран по размеру дохода на душу населения. В последние годы ускорился рост реальной заработной платы и доходов населения, принимаются меры по улучшению положения наиболее уязвимых социальных групп, которые не могут самостоятельно преодолеть состояние бедности.

Серьезным препятствием на пути динамичного экономического роста и дальнейших преобразований стал мировой финансовый и экономический кризис. Болгария столкнулась с ним, располагая реформированной и достаточно надежной банковской системой, имея необходимые валютные резервы. Поэтому при распространении во второй половине 2008 г. негативного влияния кризиса в Западной Европе на Болгарию ее банковская система и публичные финансы страны продемонстрировали достаточную устойчивость. Кризисные процессы начались, главным образом, в реальной экономике. Существует и опасность перерастания кризиса в реальной экономике в финансовую сферу. Хотя в 2008 г. за год ВВП вырос на 6% в последнем квартале его темп замедлился до 3,5%. Наиболее сильный натиск кризиса испытывает промышленность, спад производства которой начался в четвертом квартале. В декабре выпуск промышленной продукции был на 8,3% меньше, чем в декабре 2007 г., а объем продаж упал на 10,8%.

По мере углубления кризиса в европейских странах прогнозы экспертов международных институтов и аналитиков о его предстоящих масштабах в Болгарии становятся все пессимистичнее. Так, оценка Болгарским народным банком роста ВВП в 2009 г. изменилась с 4,5% (в октябре 2008 г.) до -2,0% (в апреле 2009 г.), МВФ – соответственно с 4,2% до -3,5%. Противовесом рискам может стать эффективная реализация антикризисных мер и накопленных резервов, чтобы пройти кризис с меньшими потерями.

Т.Э. Валева: В добавление к выступлению В.И. Шабуниной остановимся на реформировании внешнеэкономической сферы. Решая задачу по переориентации своих внешних связей в западном направлении, Болгария получила вполне ощутимые результаты: если в 1992 г. (первый год суверенного существования России) на страны ЕС приходилось 30,3% ее товарооборота, а доля России составляла 20%, то в 1999 г. с членами ЕС осуществлялся 51,5% торговли, на Россию приходилось 14,2% товарооборота РБ, в 2008 г. удельный вес стран союза еще немного вырос до 55%, а России снизился до 12%. При этом на протяжении всего 20-летия Россия оставалась ведущим болгарским импортером, обеспечивая львиную долю ее потребностей в энергоносителях и сырье, ее удельный вес в экспортных болгарских поставках неуклонно снижался и в 2008 г. составил уже 3% их объема.

Диверсификация географической структуры товарооборота РБ происходила параллельно с существенными изменениями товарной структуры экспорта и импорта и наращиванием их объемов, сопровождавшимся опережающим ростом импорта, что породило лавинообразный рост отрицательного сальдо торгового баланса, составившего в 2008 г. 8,8 млрд евро. В структуре экспорта стали преобладать сырьевые и потребительские товары, импорта – инвестиционные и сырьевые. На протяжении всего периода основной проблемой сбалансированного внешнеторгового обмена было расширение и модернизация экспортного потенциала болгарской экономики.

Несмотря на совершенствование законодательной базы в сфере привлечения иностранных инвестиций, внутренняя политическая нестабильность длительное время не привлекала инвесторов в экономику страны. Поэтому за период с 1990 по 1999 г. раз-

мер вложенных иностранных инвестиций составил лишь 2,2 млрд евро. Улучшение политического и экономического климата в стране, создание весомых конкурентных преимуществ в сочетании с благоприятным геополитическим положением обеспечило в последующие годы 15-ти кратное увеличение привлечения инотранных инвестиций, достигших 32,6 млрд евро в 2008 г. Большая часть этих инвестиций (в последние годы близкая к двум третям) направлялась в сферы недвижимости и финансового посредничества – наиболее привлекательные в условиях Болгарии.

За последние годы Болгарии удалось заключить ряд дву- и многосторонних международных экономических соглашений, которые призваны обеспечить ее потребности в энергоносителях и энергопроизводящих мощностях (АЭС “Белене”, нефтепровод “Бургас – Александруполис”, газопровод “Южный поток”, соглашение с Россией об обеспечении природным газом до 2030 г.).

А.Н. Саморукова: Стартовые условия рыночных преобразований в Румынии имели свою специфику. Начиная с 1965 г. руководство Румынской коммунистической партии взяло курс на дистанцирование от партнеров по СЭВ, более тесное кооперирование с Западом. Была сделана ставка на создание в стране самодостаточного народно-хозяйственного комплекса. Насаждался беспрецедентный по своим масштабам культ личности генерального секретаря РКП Н. Чаушеску и его жены Елены, подавлялось всякое инакомыслие. Не случайно поэтому революционная смена режима в стране в декабре 1989 г. сопровождалась жестким противостоянием народа и власти, оплачена сотнями человеческих жизней, трагическим завершением судьбы супругов Чаушеску, которые были расстреляны 25 декабря 1989 г.

Выбор модели системных преобразований, начавшихся с 1990 г., сопровождался противостоянием полярных взглядов на будущее страны, которые отстаивали различные политические силы. Разброс идей был велик – от концепций создания в Румынии шведской социально ориентированной системы до предложений формирования корпоративного общества. Итогом дискуссий стало принятие парламентом страны 28 июня 1990 г. “Программы – концепции реформ”, разработанной при активном участии западных экспертов и основанной на постулатах неоллиберализма. В 1993 г. Румыния подписала меморандум о присоединении к “Вашингтонскому консенсусу”. С 1995 г. вступил в силу Европейский договор об ассоциировании, положивший начало адаптации Румынии к критериям и требованиям ЕС, завершившейся вступлением страны 1 января 2007 г. в члены союза.

За истекшие годы проведены радикальные институционально-правовые и экономические реформы в соответствии с законодательством ЕС. Ставшая “сверхзадачей” всей общественно-политической жизни страны идея ускоренной европеизации дала толчок прежде всего для демократизации политических институтов, норм партийного строительства. От монополии одной партии Румыния перешла к глубокой фрагментации политического пространства; имело место размывание идеологических основ партийных платформ, которые во многом носят отпечаток эклектики и прагматизма. Объединяющей все политические силы страны идеей стал евроцентризм, характерный для четырех ведущих партий: правоцентристской Демократическо-либеральной, Социал-демократической, Национал-либеральной и Демократического союза венгров Румынии.

Стремление стать частью Европы, сформировавшееся за годы трансформации у властной элиты и общества, отодвинуло на второй план националистические идеи, радикальным выразителем которых является партия “Великая Румыния”. На парламентских выборах в ноябре 2008 г. она впервые в постсоциалистический период не преодолела 5% барьер. Несмотря на формальную конвергенцию политических структур и механизмов Румынии и ЕС, за два десятилетия реформ не удалось преодолеть разрыв между обществом и властью, недоверие населения к демократическим институтам, избавиться от всепроникающей коррупции.

В стране создана новая экономическая система, базовые принципы которой – открытый рынок, приоритет частной собственности, минимизация роли государства.

Своего рода парадоксом трансформации стал тот факт, что государственный монополизм фактически заменен монополизмом транснациональных корпораций, их роль в настоящее время намного выше, чем в межвоенной королевской Румынии, где хозяйничали германские, английские и французские тресты. Вследствие быстрой и массивной экспансии иностранного капитала основные финансовые и производственные активы страны перешли в собственность глобально оперирующих компаний. Иностраный капитал играет решающую роль в модернизации румынской экономики. Однако основной его поток направляется в ТЭК, отрасли среднетехнологического уровня, связанные с высокими материало- и трудозатратами. После 1990 г. имела место деиндустриализация национальной экономики, существует риск консервации технологической и структурной отсталости. Уровень инновационного развития Румынии в 2008 г. составлял 38% от среднеевропейского; по показателю синергетической конкурентоспособности Румыния в регионе ЕС находилась на предпоследнем месте, опережая только Болгарию.

Одним из негативных итогов смены общественной формации стало снижение уровня и качества жизни для большей части населения, рост почти в три раза доли бедных слоев (около 25% жителей), растущая социальная поляризация и большие масштабы трудовой миграции.

Согласно европейской классификации Румыния – это развивающаяся страна, обреченная следовать модели “догоняющего развития”. По душевому объему ВВП Румыния отстает почти в три раза от показателей ЕС-27 и более чем в четыре раза от стран группы ЕС-15. Румынии потребуется не одно десятилетие на преодоление этого разрыва и формирование в подлинно демократическое с высоким уровнем жизни государство. Мировой финансово-экономический кризис выявил все риски, которые принесли стране с еще незрелыми рыночными структурами ее открытость и крайняя зависимость от глобальных процессов.

В 2008–2009 гг. дефицит бюджета страны вырос в два раза и достиг максимально за последнее десятилетие уровня (более 5%). Началась рецессия производства, особенно сильно затронувшая промышленность и строительство, следствием чего стал резкий скачок безработицы (до 10% от числа занятых). Для стабилизации экономики Румыния в марте 2009 г. вынуждена была взять большой кредит (19,95 млрд евро), предоставленный МВФ и другими международными финансовыми институтами, добиться с их помощью обещаний от пяти крупнейших западных банков не изымать свои капиталы из румынских дочерних отделений.

Официальные прогнозы преодоления кризиса весьма пессимистичны: оздоровление экономики Румынии можно ожидать не ранее чем через три–пять лет.

Н.В. Фейт: Остановимся на отношениях Румынии с внешним миром. Системные преобразования в этой стране изменили ее позицию в международной политике и экономике. С началом реформ в стране был взят курс на создание открытой рыночной экономики. Создание условий для неограниченного притока иностранной валюты и для операций по движению капитала обеспечило стране активное привлечение иностранных инвестиций. Последние наряду с поступлением средств от международных финансовых организаций стали важнейшими факторами развития румынского рынка. К концу 2008 г. накопленные в стране прямые иностранные инвестиции приблизились к сумме в 58 млрд евро. За годы сотрудничества с европейскими банками Румыния аккумулировала 6,7 млрд евро инвестиций. МВФ предоставил стране займы в 2,8 млрд долл. Во вступлении в ЕС в 2007 г. фактором преобразований становятся структурные фонды ЕС в размере 27,8 млрд евро на 2007–2013 гг. Румыния вовлечена в орбиту единого рынка Евросоюза с его правилами обращения товаров, услуг, рабочей силы, капитала и соблюдением общей внешней политики.

Динамичный экономический рост, наметившийся с 2000 г. и сменивший депрессивный характер экономики в предшествующие годы, продвижение реформ в соответствии с требованиями ЕС динамизировали внешнеэкономический обмен страны. Если в 1990–2000 гг. внешнеторговый оборот вырос на 67%, то в 2001–2008 гг. – в

5,3 раза. Одновременно стала очевидной низкая способность национальной экономики противостоять давлению мирового рынка. Несоразмерно с обменом рос торговый дефицит (почти в 16 раз), сопровождаемый наращиванием внешнего долга. К концу 2008 г. его уровень превысил 70 млрд евро.

Глобальный финансово-экономический кризис обнажил высокую зависимость страны от внешнего, в первую очередь западноевропейского, рынка, подверженного кризисной рецессии. Для Румынии он обернулся сужением внешних рынков, 70% которых приходится на страны ЕС.

Энергоресурсы занимают особое место в румынских внешних связях. Румынский энергетический комплекс стал сферой пересечения интересов западноевропейских и российских партнеров. Вступление Румынии в ЕС сопровождалось усилением позиций западных компаний на румынском энергетическом рынке. Тем не менее 100% импорта газа и 85% импорта нефти в страну приходится на Россию. Энергетика оставалась в годы трансформационных перемен практически единственным связующим звеном экономик России и Румынии. Только в 2003 г. между нашими странами был подписан Договор о дружественных отношениях и сотрудничестве, обеспечивший основы для восстановления двусторонних связей. Однако доля России в торговле Румынии остается на уровне 5%, а доля Румынии в российской торговле составляет 1%. Объем взаимного товарообмена лишь в 2006 г. достиг уровня 1991 г.

В.С. Милованов: Первый шаг на пути выхода Хорватии из состава Социалистической Федеративной Республики Югославии (СФРЮ) был сделан в начале 1990 г., когда сабор (парламент) Социалистической Республики Хорватии принял закон о плюрализме партий. В ходе последовавших в мае того же года многопартийных парламентских выборов убедительную победу над коммунистами одержала партия Хорватское демократическое содружество (ХДС) во главе с Туджманом. ХДС выступала за самостоятельность Хорватии, свободное предпринимательство, многопартийность, равноправие граждан и гражданские свободы для всех, возвращение хорватских переселенцев и вхождение Хорватии в Европейское сообщество.

На первом заседании нового сабора, состоявшегося 30 мая 1990 г., Туджман был избран Председателем Президиума Республики Хорватии как представитель победившей ХДС. Спустя месяц он стал первым президентом Республики Хорватии (РХ). 25 июня 1991 г. сабор принял решение разорвать государственно-правовые связи с Социалистической Федеративной Республикой Югославией (СФРЮ) и провозгласить независимость. Россия признала самостоятельность РХ 17 февраля 1992 г. 22 мая 1992 г. РХ была принята в члены ООН, а затем – в ОБСЕ и Совет Европы.

Несмотря на мирный переход власти от коммунистов к демократам в 1990 г., первые годы становления хорватской независимости протекали в условиях отсутствия территориальной целостности страны, ведения военных действий и связанных с этим затрат, огромных материальных потерь и содержание нескольких сот тысяч хорватских беженцев из других республик СФРЮ. На все это накладывались последствия полного разрыва экономических связей с бывшими республиками. Естественно, это не могло не сказаться на формах и темпах политических и социально-экономических преобразований в Хорватии, следствием чего и стало ее отставание от аналогичных процессов в странах Центральной Европы. Первые 10 лет развития независимой Хорватии, характеризовавшиеся сочетанием борьбы за становление нового государства с реформами переходного периода и всплесками национализма, завершились 10 декабря 1999 г. вместе с кончиной президента Туджмана.

Итогам десятилетнего правления ХДС и Туджмана дали оценку парламентские выборы 2000 г., в ходе которых победу одержали оппозиционные партии, получившие около двух третей голосов. ХДС трансформировалась в парламентскую оппозицию.

Новая власть подтвердила свою приверженность во внешней политике курсу на вступление в НАТО и ЕС, в социально-экономической сфере – политике рыночной экономики.

С февраля 2000 г. были решены многие важнейшие внешнеполитические задачи. Хорватия была принята в полноправные члены ВТО. Подписала соглашение с ЕС о стабильности и ассоциации и с ЕАСТ – о свободной торговле. 3 апреля 2009 г. стала полноправным членом НАТО и теперь стоит на пороге вступления в члены ЕС, куда надеется войти в 2011 г.

И если в области внешней политики видны несомненные достижения, то однозначной оценки деятельности в экономической сфере нет. С одной стороны, после катастрофического обвала экономики в 1992 г. наблюдались рост ВВП, оживление промышленного производства, рост заработной платы и др. С другой – реализуемый правительством экономический курс не только не облегчает сегодняшнее положение хорватского народа, но мало что сулит ему и в ближайшем будущем. Особенно это высветил современный мировой кризис, начавшийся в середине 2008 г.

Вхождение Хорватии в мировой кризис проходит пока без драматизма, социальных конфликтов и трагических последствий. Это объясняется в первую очередь тем, что в стране за 18 лет были созданы возможности для сглаживания форс-мажорных обстоятельств, как в данном случае – наиболее острых социальных кризисных проблем. Но некоторые, правда, утверждают, что это произошло потому, что Хорватия не была достаточно интегрирована в мировую экономику.

В начале второго квартала 2009 г. в Загребе проводился “круглый стол” на тему: “А что теперь?”. В обсуждении приняли участие ведущие политики и экономисты-аналитики Хорватии. Выводы, к которым они пришли, сводятся к тому, что, во-первых, благодаря нынешней структуре хорватской экономики Хорватия относительно легко прошла первый вал мирового кризиса. В отличие от других стран, столкнувшихся на мировом рынке с падением спроса на их товары, Хорватия, имея скромный товарный экспорт и производство, избежала аналогичных трудностей. Другим положительным фактором была стабильность финансовой системы и правильная политика, проводившаяся Хорватским народным банком. Во-вторых, по их мнению, ожидается второй, более опасный для Хорватии, вал мирового кризиса, в ходе которого придется существенно сократить государственное потребление, ограничить социальные права и повысить эффективность государственного сектора экономики. Тогдашний председатель правительства РХ И. Санадер предложил “затянуть пояса”.

Но трудно надеяться на положительный ответ и социальный мир в стране, где почти 70% домашних хозяйств ежемесячно испытывают большие трудности по обеспечению необходимых для жизни средств. Доходы семьи с финансовыми трудностями должны быть больше на 67%, чтобы обеспечить более или менее сносную жизнь. Наиболее крупная статья в семейном бюджете – около 30% – приходится на питание. Затем следуют расходы, связанные с оплатой жилья – 16%. 52% хорватских семей обременены неподъемными долгами.

Острейшей является проблема роста безработицы. Количество зарегистрированных безработных на конец 2008 г. составило 240,5 тыс. человек. За первые три месяца текущего года численность безработных выросла на 11,1 % и достигла 267,2 тыс. человек. Причем ожидается, что тенденция роста численности безработных будет действовать в течение всего 2009 г. Критики проводимой сегодня правительством экономической политики считают, что без исправления ошибок прошлого трудно надеяться на скорый выход страны из кризиса. По их мнению, необходимо признать, что корни кризиса, в котором находится РХ, относятся к ее далекому прошлому. Мировой кризис только показал наличие перманентно существовавших экономических проблем, а именно: ежегодный рост внешнего долга по отношению к производимому ВВП, постоянный дефицит платежного баланса и зависимость экономики от притока денег из-за границы; сырьевая и продовольственная импортная зависимость, жизнь страны не по имеющимся материальным средствам.

Л.В. Голова: Основные экономические реформы в Сербии начались после 2000 г., т.е. с опозданием на 10 лет в сравнении с другими восточно-европейскими странами. Это объясняется несколькими причинами. Если восточно-европейские страны

вступили в период перехода, совершая “бархатные” революции, то процесс распада Югославии как многонационального государства, начавшийся в 1990–1991 гг., проходил в условиях “войны всех против всех”. Сначала военные столкновения начались в Словении, Хорватии, Боснии и Герцеговине, закончившиеся тем, что эти бывшие республики добились своей полной государственной независимости. Только Македония вышла из состава СФРЮ мирным путем. Сербия также вела жестокие бои с Хорватией.

1990-е годы стали самым сложным периодом для стран, составлявших бывшую Югославию. Войны принесли много смертей, разрушили семьи, нанесли огромные материальные потери, привели к продолжительной политической, экономической и социальной нестабильности. Тем не менее Сербия и Черногория оставались в составе единого государства, каждая из которых была самостоятельной равноправной республикой. Следует особо подчеркнуть, что в этот период на долю Сербии выпало много трудностей и тяжких испытаний. Вследствие политики президента Сербии С. Милошевича, обвиненного в притеснении косовских албанцев, стране объявили бойкот, к ней применялись санкции ООН. Сербия оказалась изолированной от других стран. Проведение реформ в таких условиях было весьма затруднительным. Более того, в марте 1999 г. Сербия подверглась массированным бомбардировкам со стороны стран-членов НАТО, ущерб от которых составил около 30 млрд долл. Эти весьма значительные потери для такой небольшой и небогатой страны, как Сербия, никто до сих пор не компенсировал.

Положение Сербии усугубилось еще больше, когда в мае 2006 г. Черногория на основе результатов референдума объявила о своей государственной независимости. Сербия теперь потеряла выход к морю. В феврале 2008 г. по Сербии был нанесен еще один удар. Из ее состава вышел автономный край Косово, населенный преимущественно албанцами. Он также провозгласил себя самостоятельным независимым государством, которое признали около 60 стран мира.

За последние 10 лет Косово покинули 200 тыс. сербских беженцев, их имущество, оставленное на территории бывшего автономного края, оценивается в 4 млрд долл. К тому же под давлением международного сообщества Сербии пришлось взять на себя погашение внешнего косовского долга в сумме около 2 млрд долл.

В последнее время второй автономный край Воеводина (на ее территории проживает около 17% венгров, более 56% сербов и других народов) требует предоставить краю еще более расширенные полномочия. По новому статусу – если его утвердит сербская скупщина (парламент) – Воеводина получит очертания самостоятельного государства. Уже теперь Воеводину называют “еврорегионом”. Таким образом, можно констатировать, что распалась не только бывшая Югославия, но и в самой Сербии происходят подобные процессы раскола страны на составные части, что, безусловно, затруднило проведение реформ. Особые надежды на реализацию фундаментальных реформ появились у Сербии, когда в 2001 г. премьер-министром стал энергичный прозападно ориентированный политик З. Джинджич. Цели Джинджича: демократическое развитие, рыночная экономика и вступление Сербии в ЕС. Однако поставленные задачи не удалось осуществить: в марте 2003 г. Джинджич был убит. Эти же цели отражены и в конституции Сербии. Однако нельзя назвать рыночную экономику полноценной, когда правительство все еще регулирует 55% цен и лишь 45% формируется на рынке.

Сербия принадлежит к семи–восемью последним странам Европы, находящимся в переходном периоде. За Сербией идут Молдавия и Украина. По уровню проведенных реформ Сербия рядом с Боснией и Македонией, не отстает от Черногории и Хорватии. Эти данные определяют климат для бизнеса. Он неблагоприятен. Сербия находится между 80 и 120 местом по экономическим свободам из 150 стран мира в зависимости от учитываемых критериев. Этим объясняется низкий уровень иностранных инвестиций.

Как и в других странах, в Сербии проводилась приватизация, но этот процесс проходил неровно, медленно и в 2008 г. все еще находился в завершающей фазе. Широко

применяется система налоговых льгот, а малые предприятия вообще освобождаются от уплаты налогов в течение пяти лет. В настоящее время в стране идет реформа высшего образования. За основу взята Болонская декларация, которая, по оценке специалистов, не является оптимальным вариантом для Сербии.

Позитивные результаты достигнуты в банковской системе. В страну пришли новые банки – на 80% западные. Раньше граждане нередко не могли получить в банке свои деньги из-за отсутствия наличных. Теперь такого уже не бывает. Конечно, сербская банковская система еще не функционирует как на Западе, но разница с предыдущим периодом несравнимая.

Ежегодно представители МВФ посещают Сербию с целью отследить ход проведения реформ. Их рекомендации таковы: ускорить реструктуризацию экономики, завершить приватизацию с целью повышения экономического роста, увеличения экспорта и занятости. Эти рекомендации не просто выполнить. Особенно в условиях мирового кризиса.

С.П. Глинкина: Заключая обсуждение за этим “круглым столом”, следует отметить, что в течение двух десятилетий после начала преобразований страны Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы добились серьезных достижений, прошли сложный путь развития в политическом и социально-экономическом отношении. Однако в настоящее время мировой кризис может подвергнуть сомнению эти достижения, отбросить страны региона назад. В первом квартале 2009 г. лишь в Польше имел место небольшой экономический рост – 0,8%. В остальных странах Центрально-Восточной Европы наблюдался спад ВВП, например, в Венгрии он составил 2,3%, в Чехии – 3,4% и в Словакии – 5,4%. Перед правительствами стран региона встает проблема преодоления последствий кризиса и возвращения на путь устойчивого роста.

Материалы “круглого стола” подготовил к печати *Н.И. Бухарин*